

ментировать не только с образами этих миров, но и с языковыми знаками, порождая вымышленные способы интеракции и коммуникации, создавая искусственные языки, которые их создатели выстраивают по нормам реального, их собственного языка. Контаминация реального и фантастического миров в таких искусственных языках воссоздается при помощи определенных инновационных лексических единиц – полуаггномимов, когнитивно содержащих в своей семантике компоненты известного и неизвестного, реального и ирреального, возможного и невозможного.

Литература:

1. Выродова Т.П. Научно-фантастический дискурс Айзека Азимова: структурная организация и идейно-смысловое содержание. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.04. Литература зарубежных стран. Выродова Татьяна

Петровна. Харьков, 2003. 4 с.

2. Иняшкин С.Г. Американский научно-фантастический дискурс XX века // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. Вып. 1.

3. Иняшкин С.Г. Лингводискурсивные особенности американской научной фантастики середины XX века. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.04. Германские языки. Иняшкин Станислав Геннадьевич. М., 2013. 22 с.

4. Медведева Е.В. Фантастический дискурс: сочетание антропоморфных и зооморфных характеристик в образе персонажей. Вестник КемГУ, 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 55–58.

5. Рыльщикова Л.М. Письменные формы существования научно-фантастического дискурса. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов: [электронный ресурс]. URL: <http://www.jurnal.org/articles/fill2.html> (дата обращения: 10.03.2015).

6. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Функции научно-фантастического дискурса. Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал Российской академии естествознания. М., 2014. № 6.

7. Стасива Г.Д. Русский научно-фантастический дискурс XX в. как лингвориторический конструкт. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.19 Теория языка. Стасива Галина Дмитриевна. Нальчик, 2010. 24 с.

ОХОТНИЧИЙ ДИСКУРС

Охотничий дискурс является феноменом реализации разнообразных потребностей человека, первоочередной из которых оказывается потребность к выживанию. Он обладает институциональным статусом, определяемым такими его важнейшими функциями, как легислативная, презентационная, рекреативная и сугубо потребностная (глуттоническая). Институциональный характер охотничьего дискурса поддерживает «работу» этих функций при помощи вербальных и невербальных знаков разного качества. Охотничий дискурс тесно взаимосвязан с прочими типами коммуникации; эта взаимосвязь носит не хаотический, а системный характер, детерминированный стержневой семантикой преследования и захвата как каузации и посессивности.

Охотничий дискурс представляет собой особый тип общения и протекает в обширном лингвосемиотическом пространстве; он характеризуется весьма разнообразным хронотопом; представляет собой специальный тип профессионального общения его участников; содержит целый ряд ритуалов, которые образны, ценностно- и презентационно-маркированы. Наконец, охотничий дискурс, помимо профессиональной

направленности, характеризуется также особой риторикой, проявляющейся в разнообразии жанров. Поиск пищи для пропитания оказался стимулом для особой организации человеческой речи, в структуре которой отразились с древнейших времен бытийное пространство Человека охотящегося (*Homo venationis*), знаки окружающей его природы, животных и растений как объектов охоты, инструменты преследования, убийства, обработки для потребления и собственно потребления охотничьих объектов. В коммуникации охотников на протяжении длительной истории постепенно зарождались и оязыковлялись алгоритмы действий, направленных на удовлетворение потребности в выживании, закреплялись звукосемиотические, визуально-семиотические, хроно- и топо-семиотические, сцентально-семиотические, а также лингвосемиотические (вербальные) компоненты охотничьего дискурса.

Охота в принципе может быть приравнена к потребности: одно из значений слова «охота» – это нужда, желание («охота к перемене мест», «а мне летать охота»). Если в древности охота представляла собой процесс поиска, нахождения и овладения объектом потребности

вплоть до его умерщвления с целью потребления, т. е. нужда в чистом виде, то с усовершенствованием цивилизации к этой функции охоты прибавились другие функции – 1) *рекреативная*, превратившая охоту в одну из разновидностей игры как чистого преследования; 2) *эстетическая* как костюмированное представление (презентация) элиты общества; 3) *институциональная*, как неперемное занятие властных персон (царствующих особ, лидеров государства и т. п.); 4) смыкающаяся с институциональной *воспитательно-образовательная* как способ выработки стратегических и тактических навыков и умений у властных персон и их наследников с целью привития способностей к применению власти к подданным.

Связь охоты с игрой просматривается в англоязычном наименовании *game*: так называют англичане и дичь – животных как объект охоты, и собственно саму процедуру преследования зверя. Как известно, древнеанглийское слово *gamen*, первоначально означавшее трофей на охоте, впоследствии получило значение «игра». Признак институциональности существует в любом типе коммуникации; он есть не что иное, как обусловленность разнообразных типов общения определенной социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменения этой ситуации – с другой, что как раз определяет особенности соответствующего типа коммуникации. Потребовались долгие века на то, чтобы сформировались ритуалы и сценарии совершения этих действий как статусная надстройка над биологическим результатом семиотики и вербалики; чтобы охота, все так же оставаясь народным средством обеспечения пропитанием и «крестьянской забавой, молодецким веселием» (Владимир Даль).

Институциональная презентационность своеобразно преломляется в семиозисе охотничьего дискурса в виде разнообразной системы знаков, вовлекаемых в лингвосемиотическое пространство институциональной охотничьей коммуникации. В нее включены институциональные аудиальные, сцентальные и визуальные знаки.

Звукосемиотический компонент охотничьей коммуникации посредством роговых

сигналов во времена монархической власти становился институциональным в том случае, когда в (презентационных) ситуациях охоты властных персон специальные сигналы рога сообщали об участии в гоне властной персоны (например, сюзерена или именитого хозяина лесных угодий). Сегодня эта традиция утрачена; тем не менее, институциональность звукосемиотического компонента современной охотничьей коммуникации проявляется в том, что старший загонщик проявляет власть и уводит особым роговым сигналом команду охотников из зоны охоты по экстраординарным причинам. Институциональность в звукосемиотике королевской охоты Англии XVI столетия реализовывалась не только в аудиознаках присутствия на охоте короля и свиты, но и в командах главного егеря (*master of the game*), подаваемых венценосным охотникам для совершения ими того или иного действия, требуемого в процессе гона дичи.

При многообразных взаимодействиях живых существ с материальным миром фундаментальные формы информации, передающие экзистенциальность собственно живого организма (*endosomatic information*), вызывают к жизни так называемую экзосоматическую информацию (*exosomatic*), позволяющую живому существу как производить подстройку собственного бытия к условиям своего обитания, так и использовать ее в целях выживания и реализации соответствующих потребностей. Концепция взаимодействия фундаментальных форм информации представляется вполне релевантной для лингвосемиотического описания некоторых базовых (естественных) феноменов или качеств живых существ, предопределяющих их потребности и способы выживания. Такая естественная информация, как эндосоматического, так и экзосоматического свойства, в семиозисе живой природы в значительной степени зависит от экспликации ольфакторного или сцентального компонента, т. е. от запаха, представляющего собой особые компоненты веществ-феромонов, оставляемых живыми существами для семиотического информирования о своем присутствии в материальном мире. Знаки природы вовлекаются в алгоритм охоты и становятся частью охотничьей

коммуникации, своеобразным охотничьим языком и дискурсом. Запах – один из важнейших элементов такого «охотничьего диалога», выступающий, главным образом, в *презентационной функции*, исполняемой обоюдосторонне – феномен *воздействия* как субъектов, так и объектов охоты. В цепочке реализации этой функции запах несет в себе как когнитивную информацию (идентификация живого существа в локусе природы), так и информацию репрезентативную, как правило, имеющую два качества – *дистракционное* (отгалкивающее) и *аттракционное* (привлекающее). Таким образом, запах в семиотическом и лингвосомиотическом смысле (если мы говорим о «языке» природы) может быть представлен как особый тип презентем – *сцентальный*.

Запах как объект идентификации связан со способностями субъектов охоты его идентифицировать, отсюда в охотничьей коммуникации используются лексемы «чутье» («*природное чутье*», «*звериное чутье, охотничье чутье, собачье чутье*»), «*почуять*», «*учуять*», «*[тонкий] нюх*», «*унюхать*». Разная степень точности определения объекта преследования, которому этот запах принадлежит, характеризует опытность как самого охотника, так и его помощника – собаки, так и матерость преследуемого зверя, мастерски уходящего от погони вследствие годами вырабатываемого умения идентифицировать запах опасности (запах чужого). Умение идентификации объекта охоты по запаху в русскоязычной охотничьей коммуникации номинировано словосочетаниями «*взять след*», «*идти по следу*», и, наоборот, ошибка в идентификации отражается, например, в номинации «*скол*» – потеря гончими собаками следа, да и собственно в вербалии «*потерять след*».

Рекреативность институциональной охотничьей коммуникации обусловлена наличием в ее лингвосомиотическом пространстве *участников-институционалов*. Типология участников-институционалов охотничьего дискурса представляется многоуровневой и распадается на ряд категорий. Во-первых, это сами *властные персоны*, которые инициируют легитимность собственного участия в охотни-

чьих действиях и охотничьей коммуникации. Во-вторых, это *юристы* – лица, которые обслуживают процесс легитимизации права властных персон на ведение ими охоты. В-третьих, в типологии особое место занимают институциональные *агенты* властных персон, которые обеспечивают власть комфортабельным участием в процедурах охоты. В-четвертых, в семиотику охоты вовлекаются *егеря и их помощники* – лица, обслуживающие собственно процедуру охоты. Наконец, к институционалам на охоте следовало бы отнести тех, кто обслуживает эмоциосферу охоты – *историографы* и *репортеры*, отражающие и фиксирующие успехи институционалов, *повара* и прочие специалисты в области гастрономии, обслуживающие кулинарные пристрастия институционалов в связи с пойманными трофеями.

Помимо институциональности, системообразующие признаки охотничьего дискурса включают также в себя *ритуальность* (*театральность*) и *речевые жанры* охотничьей байки (случаи на охоте) и анекдота, рефлектирующие его *ценности*. Ритуалы охотничьего дискурса связаны с *ценностной составляющей* концепта «охота», которая вербализована в этических максимах, напрямую характеризующих языковую личность «благородного охотника». Презентационность охотничьего дискурса в ее базовой составляющей – *нарочитой театральности*, как это было показано выше, проявляется, прежде всего, сугубо *семиотически* (визуально, превращая охоту институционала в своеобразное представление). В то же время нарочитая театральность актуализируется в охотничьей коммуникации *дискурсивно-риторически*, например, как гипертрофированное преувеличение охотничьих успехов, которое допускают охотники во время бивуака (в хрестоматийной российской живописи это выражено визуально – см. картину В. Г. Перова «Охотники на привале»).

Литература:

Олянич А.В., Васильченко Ю.А. Лингвосомиотика охотничьей коммуникации: монография / Ю.В. Васильченко, А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ: Волгоград, 2014. 140 с.

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС

Рекламный дискурс как вид институционального общения представляет собой сложный социокультурный феномен, является составляющей более широкого социального взаимодействия, охватывает многие сферы жизни современного социума и, таким образом, оказывается связанным с разнообразными видами человеческой деятельности. Его научное освещение в лингвистике весьма обширно, однако рекламный дискурс как коммуникативный феномен продолжает вызывать интерес исследователей и изучается в русле ряда проблем: теории коммуникации; теории воздействия; презентационной теории дискурса; теории политической коммуникации; структурной организации рекламного текста в связи с социальной (гендерной, возрастной) и психологической дифференциацией.

При определении способов и средств реализации прагматической установки рекламного дискурса учитывается то, в рамках какой коммуникативной стратегии осуществляется манипулирование предполагаемым адресатом. В качестве основных *целей* рекламного дискурса могут быть выделены следующие: *воздействующая*, которая направлена на создание определенных стереотипов поведения, перестройку или закрепление ценностных ориентиров в сознании личности; *социальная*, которая призвана способствовать коммуникативным связям в обществе, формировать общественное сознание, содействовать улучшению качества жизни; *информационная*, суть которой заключается в том, чтобы распространять в массовом масштабе информацию о товаре или услуге, их характере и месте продажи, выделять товар определенной фирмы; *экономическая*, которая заключается в стимулировании распространения товаров и услуг.

Выделяют пять фундаментальных институтов в человеческом обществе, предназначение которых заключается в удовлетворении важнейших жизненных потребностей коллектива или общества: институт семьи и брака (потребность в воспроизводстве рода);

политические институты, государство (потребность в безопасности и социальном порядке); экономические институты, производство (потребность в средствах существования); институты образования, наука и культура (потребность в получении знаний, в социализации подрастающего поколения, в подготовке кадров); институт религии (потребность решения духовных проблем, смысла жизни). Внутри социальных институтов может быть выделена группа институтов сферы культуры, такие как коммуникационные (или коммуникативные) институты – социальные инструменты, с помощью которых общество производит и распространяет сведения, выраженные символически и семиотически. Как раз к таким институтам относится реклама, обеспечивающая распространение информации, которая отражает деятельность различных социальных институтов. Реклама является также стимулирующим звеном развития рынка, направленным на продвижение товаров и услуг, следовательно, она обслуживает экономический институт, функционируя в сферах торговли и производства. Таким образом, реклама объединяет свойства коммуникативных и экономических институтов, подчиняется существующим в них нормам, оказывает влияние на вербальную деятельность участников коммуникации внутри этих институтов.

Выделяют также следующие институциональные характеристики дискурса, свойственные и рекламе: *ориентацию на собственную структуру, наличие максимума речевых ограничений, фиксированные роли участников, обусловленность контекстом, доминирование глобальных целей организации*. Являясь видом институционального общения, рекламный дискурс имеет ряд *легислативных (правовых) ограничений*: достоверность предлагаемых сведений, отсутствие прямой критики в адрес конкурирующих товаров или услуг и неиспользование информации, запрещенной законом (вторжение в частную жизнь граждан, использование рекламных инстру-